

В итоге Иту всё-таки пришлось забрать тетрадь Цзян Ханьюя. Тот и не требовал, чтобы за него решали задачи — он просто вложил её Иту в руки с таким видом, будто отдавал жене зарплатную карточку, и на этом успокоился.

Иту совершенно не понимал хода мыслей этого человека, а уж тем более его отношения к происходящему.

В классе стояла мёртвая тишина, никто не решался на лишнее движение. На кафедре всё ещё лежал иссохший труп игрока, замерший в чудовищно неестественной позе. На этом фоне даже негромкий разговор Иту и Цзян Ханьюя привлёк к себе немало внимания.

Небо за окном потемнело, став тяжёлым и давящим. Бесконечным потоком валил чёрный снег, превращая мир снаружи в декорации к апокалипсису. Оказавшись взаперти, игроки чувствовали себя приговорёнными к смерти, которых мир просто предпочёл забыть.

В коридоре то и дело мелькали фигуры учителей в строгих костюмах. Мужчины и женщины, кто с книгами в руках, кто налегке — у всех была одна пугающая особенность: полное отсутствие лиц.

Иту невольно вздрогнул, когда очередной учитель повернул к окну свою чистую, гладкую голову. Это карточное поле было за гранью нормального. Ученики здесь ещё походили на людей, но преподаватели... После того как один из них обернулся гигантским пауком, безликие фигуры уже не казались чем-то из ряда вон выходящим.

В какой-то момент мимо кабинета шёл очередной безликий мужчина, но на этот раз он не прошёл мимо. Он остановился.

Существо замерло у окна рядом с передней дверью. Существо почти вплотную прижалось лицом к стеклу. Существо попыталось толкнуть запертую раму, а затем с силой забарабанило по ней. Студент, сидевший прямо у окна, в ужасе вскрикнул.

— Твою мать, что ему нужно?! — донёсся сзади испуганный голос Ван Сяолэя.

Поняв, что окно не поддаётся, безликий отступил, но тут же вцепился своей мертвенно-бледной рукой в дверную ручку.

Иту внутренне напрягся. Дверь нельзя было открыть изнутри, но ведь когда староста возвращалась в класс, кто-то открыл её снаружи.

— Староста! Как ты зашла сюда?! — кто-то озвучил общую тревогу, выкрикнув вопрос девушке с короткой стрижкой.

Цзи Хань ответила, едва скрывая дрожь в голосе:

— Я не толкала дверь. Она открылась сама!

— Чёрт!

— Нам конец... Он сейчас вломится!

Пока игроки застыли в ожидании худшего, снаружи послышалось настойчивое клацанье ручки — вверх-вниз, снова и снова. Однако дверь не поддавалась. Безликий ещё какое-то время остервенело колотил в неё, отчаянно стремясь попасть внутрь.

— Не может войти... Слава богу, — выдохнул мужчина средних лет, сидевший неподалёку от входа, и прижал руку к груди.

— У меня сердце чуть не выпрыгнуло, ну и жуть...

Убедившись, что дверь надёжно заперта, все немного расслабились. Существо в коридоре постояло ещё немного, словно ожидая, что кто-то проявит милосердие и впустит его, а затем неохотно скрылось из виду.

Иту осознал: класс, будучи ловушкой, одновременно служил и защитой, не пуская внутрь тех, кто бродил снаружи. Это была своего рода извращённая безопасность.

Раздумывая об этом, он легонько постучал по парте соседки справа. Девушка с веснушками на лице взглянула на него и вопросительно приподняла брови.

— Тот учитель за окном... Ты его знаешь? — спросил Иту.

Ученица покачала головой, её голос звучал робко:

— Нет. Он не из нашего потока.

Не получив полезной информации, Иту не стал настаивать. Но появление безликого было лишь началом.

Раздался стук в дверь: «тук-тук-тук». Но за стеклом никого не было. Казалось, среди бела дня в школе завелось привидение. Иту прикинул: если существо снаружи не было карликом, значит, оно специально присело, затаилось, чтобы выманить кого-то из учеников к двери.

Стук прекратился. Вместо него на стекле окна прямо из ниоткуда возникли отпечатки бледных, окровавленных ладоней. Они бешено колотили по стеклу, оставляя за собой густые, вязкие мазки крови.

— Да что же это такое... — Ван Сяолэй забился в своём кресле, его била дрожь. Он затравленно огляделся и, лишь встретившись взглядом со своим парнем, сидевшим чуть поодаль, немного успокоился.

В этот момент один из игроков, сидевших у окна, не выдержал. Любопытство пересилило страх, он приподнялся и заглянул за стекло. В ту же секунду его перекосило от ужаса и отвращения.

— Что он увидел? — не оборачиваясь, спросил Иту у Сяолэя.

Игрок, заглянувший в окно, поспешно сел и, выхватив откуда-то тряпицу для линз, принялся неистово протирать свои старые очки в чёрной оправе. На вопросы он не отвечал, лишь беззвучно шевелил губами. Иту сидел слишком далеко и не мог разобрать ни слова, но видел, как сильно дрожали руки мужчины.

— Не знаю, не слышу, — Ван Сяолэй покачал головой, а затем прошептал: — И откуда у него тряпочка для очков? Разве в игру можно проносить такие вещи?

Иту хотел было ответить, но его опередил низкий, холодный голос слева:

— Он сказал, что видел только руки.

Иту невольно обернулся. Цзян Ханьюй одной рукой держал красные ножницы, а другой — лист бумаги. Вся его парта была завалена мелкими обрывками учебников, которые он методично изрезал.

— А это не считается порчей школьного имущества? — Иту не удержался от шпильки. Ему хотелось спросить, насколько скучно должно быть человеку, чтобы он начал крушить всё вокруг.

Мужчина поднял голову. В его чайных глазах мерцало нечто, что Иту не мог разгадать.

— Ты сказал — он видел только руки?

Иту инстинктивно отвёл взгляд и, словно желая занять чем-то буйного соседа, пододвинул ему свой учебник.

— Откуда ты знаешь, что он сказал?

Взгляд Цзян Ханьюя на секунду задержался на чистых, ровных пальцах Иту, после чего он неспешно забрал учебник по математике. Положив его поверх стопки изрезанных книг, он, вопреки ожиданиям, не стал его портить.

— Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь, — он тонко усмехнулся. — Как-нибудь в другом месте ты сможешь расспросить меня подробнее.

Иту промолчал, но Ван Сяолэй снова не выдержал и ткнул своего переднего соседа в спину:

— Дружище, он на что это намекает?

Иту одарил его холодным взглядом:

— Я и сам хотел бы знать, с чего он так бесится. И вообще, — он сделал паузу, — ты сел позади меня только ради того, чтобы подслушивать?

Ван Сяолэй сконфуженно хмыкнул:

— Ну, всё равно же делать нечего.

Тем временем Цзян Ханьюй, «подкупленный» учебником математики, заметно повеселел. Его ножницы снова заскользили по бумаге. Иту не мог понять, что именно он вырезает — через минуту мужчина рвал свои поделки в мелкие клочки.

«Одержимый псих», — пронеслось в голове Иту. Именно так можно было описать подобных людей.

Он перестал наблюдать за соседом. Цзян Ханьюй оказался прав: игрок в очках действительно видел лишь пару рук, обрубленных по самые плечи, которые сами по себе колотили в окно.

Игроки в классе негромко переговаривались, не забывая при этом прислушиваться к шорохам над головой — учитель-паук мог напасть в любой момент.

Иту чувствовал, как атмосфера в кабинете пропитывается чем-то зловещим. Время в карточном поле текло быстрее реального, а существа, то и дело мелькавшие в коридоре, незаметно сжирали остатки их спокойствия. Все эти монстры были частью системы и, несомненно, играли свои роли в этом безумном спектакле, точно так же, как игроки играли роли учеников.

В этот момент за окном показалось нечто новое. Огромная ящерица тёмно-бурого цвета, покрытая отвратительными костяными наростами, медленно проползла мимо. Она на мгновение повернула треугольную голову к классу, мазнув по людям ледяным, неживым взглядом.

Иту почувствовал, как по спине пробежал холодок. Если ящерица могла заглянуть в окно, просто подняв голову, значит, её рост был не меньше трёх метров, а длина — и того больше.

Если им придётся столкнуться с ней за пределами класса, шансов на спасение будет немного.

Но шок от гигантской рептилии быстро сменился изумлением при виде следующей фигуры. По коридору шла женщина. Она выглядела ухоженной, в её облике сквозила зрелая грация. Она мягко, счастливо улыбалась, а руки ласково поглаживали высоко выдающийся живот.

Беременная.

Иту внезапно вспомнил название этого карточного поля, которое система выдала перед началом:

«Дом — тихая гавань любви. Если жизнь моя печальна, пусть после смерти я вернусь в твоё чрево, дорогая мама».

Может ли эта женщина быть той самой матерью из названия?

Иту снова постучал по парте веснушчатой девчонки.

— Знаешь, кто это?

Девочка с сомнением подняла голову и посмотрела в окно.

— Это учительница Цю из старших классов. Говорят... — она запнулась и перешла на шёпот: — Говорят, она мама Е Ли. Е Ли ведь совсем недавно умерла, почему у учительницы такой большой живот? Так странно... и так жалко её.

Последние слова она произнесла уже не для Иту. Она словно погрузилась в транс, и когда она сказала «жалко», она странно, отрешённо застыла. Иту нахмурился и попытался спросить что-то ещё, но девушка больше не реагировала — она окончательно превратилась в бездушного NPC.

Теперь Иту окончательно понял смысл названия карточного поля.

Е Ли — та самая девушка, покончившая с собой через пятнадцать минут после начала игры, — была ключевой фигурой. И задание было напрямую связано с ней. Игрокам нужно найти её любовное письмо к Пэй Цзэ, иначе, даже если сюжет будет пройден на восемьдесят процентов, карта двери побега не появится.

Е Ли стала центром этой игры. И какова бы ни была причина её смерти, сейчас в поле зрения остались лишь двое связанных с ней людей: тот, кого она любила, и та, кто её родила. О первом не было ни слова, но мать теперь была здесь. С чудовищно раздутым, пугающим животом она предстала перед взорами игроков.

— Угадай, кто у неё внутри, — Цзян Ханьюй отложил ножницы. Он медленно потёр пальцы, испачканные чем-то красным.

— Порезался? — Иту вскинул брови, стараясь скрыть за иронией внутреннее напряжение.

Мужчина не ответил. Его лицо оставалось всё таким же холодным и красивым, но в чайных глазах вспыхнул странный, лихорадочный блеск.

Он... в предвкушении?

Иту на мгновение показалось, что он сам сходит с ума, раз видит такие эмоции. Словно пытаясь отогнать наваждение, он ответил на вопрос соседа:

— Тот ребёнок в её животе... это и есть Е Ли, верно?

Текст названия карточного поля не лгал. Е Ли жаждала вернуться в тёплые объятия матери после смерти. И её мать исполнила это невозможное желание. Извращённым, уродливым способом она навсегда оставила дочь при себе.

Приняв облик взрослого человека, Е Ли вернулась в материнскую утробу.

[Прогресс сюжета текущего карточного поля: 23%. Статус карты двери побега не обновлён. Игрокам следует приложить больше усилий!]

<http://bllate.org/book/15886/1620095>